

Сознательно преступившие грань...

В. П. Зимонин*

Первые очаги Второй мировой войны были разожжены именно японской военщиной (захваты Маньчжурии, Северо-Востока Китая, а с 1937 г. и тотальная война против него), причем первая агрессия была организована еще до прихода Гитлера к власти, а один очаг — в районе монгольской реки Халхин-гол (11 мая — 16 сентября 1939 г.) — был затушен уже после общепринятого дня начала мировой войны, что существенным образом сказывалось на выработке советской (да и ряда других стран) военной политики как в канун этой войны, так и в последующие годы. Гитлер еще только рвался к власти, а честолюбивые японские генералы уже имели грандиозные планы мирового господства, согласно которым одним из главных объектов агрессии являлся Советский Союз.

Токийский трибунал, основываясь на неопровержимых документах и свидетельских показаниях сторон как обвинения, так и защиты, дал четкую и ясную юридическую оценку преступной военной политике Японии и ее руководства в 1930-е — первой половине 1940-х гг. В те годы, однако, Советскому Союзу приходилось убеждаться в антисоветском курсе правящих кругов милитаристской Японии, что называется, в ходе развития реальных событий.

Советская разведка уже в августе 1927 г. после тщательной проверки¹ известила руководство СССР о содержании так называемого «Меморандума позитивной политики» премьер-министра и министра иностранных

дел и колоний Японии генерала Танаки Гиити от 25 июля 1927 г., поданного ровно за семь месяцев до этого воссевшему на хризантемовый трон 26-летнему императору Хирохито. Этот документ широко известен, по представлению американского обвинения он был признан Международным трибуналом в Токио в качестве обвинительного документа за номером 169², хотя и публиковался нередко в фальсифицированных копиях, что, очевидно, становилось поводом для отдельных исследователей отрицать существование меморандума как такового³.

В меморандуме был предложен откровенно преступный курс, по которому должна пройти Япония, чтобы поставить под свой контроль огромные территории Евразии и других регионов мира. «Для того чтобы покорить мир, — говорится в меморандуме, цитируемом военными историками Института оборонных исследований „сил самообороны“ Японии в одном из томов 110-томной „Официальной истории войны в великой Восточной Азии“, — мы должны прежде всего покорить Китай. Если мы покорим Китай, все остальные азиатские страны и страны южных морей в страхе перед нами капитулируют... Овладев ресурсами Китая, мы перейдем к покорению Индии, архипелагов южных морей, малых стран Азии, Средней Азии и Европы. Если нация Ямато хочет быть высшей на Азиатском субконтиненте, первым шагом для этого является обладание правом господства в Маньчжурии и Монголии».

* Вячеслав Петрович Зимонин — профессор Военного университета и МГЛУ, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН.

Намечая свою широкомасштабную агрессию, японские лидеры планировали после подчинения Китая «вновь скрестить мечи с Россией». В борьбе за мировое господство генерал Танака считал необходимым и «сокрушение Соединенных Штатов Америки»⁴.

Что бы не говорили о подлинности этого уникального документа (его оригинал был, очевидно, уничтожен, как и множество других компрометирующих милитаристское руководство Японии документов, сразу после объявления рескрипта императора Хирохито от 14 августа 1945 г. о капитуляции или, по крайней мере, еще до прихода войск союзников на Японские острова и ареста ими японской секретной документации), но его существование в достоверных копиях признано и Токийским трибуналом и официальной японской военной историографией, и, как впоследствии отмечал в своих мемуарах «Потрясения периода Сёва» бывший министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу, последовательность действий Японии удивительно точно соответствовала той, которая была изложена в «меморандуме»⁵.

Именно Япония в полном соответствии с меморандумом Танаки разожгла в начале 1930-х гг. первые очаги гигантского вселенского пожара, который с рубежа 1 сентября 1939 г. стал называться Второй мировой войной. В этом важнейшем правительственном документе, которому впоследствии, действительно, почти неукоснительно следовали (насколько позволял военно-экономический потенциал) все правительства Японии, впервые в тесной увязке были отражены две линии противоречий и два пути их разрешения. Старые империалистические противоречия — в первую очередь между Японией и США, традиционно соперничавшими в зоне Тихого океана, где выживание и развитие одних наций почти однозначно вело бы к поражению и упадку других, и новые — межсистемные, где Япония и западные державы имели шанс объединить усилия против общего классово-идеологического врага. Разрешение первой группы противоречий виделось Японии на путях вооруженной борьбы с ведущими державами капиталистического мира на южном направлении агрессии; вторую группу противоречий можно было разрешить, лишь уничтожив СССР, МНР и зарождавшееся коммунистическое движение в Китае (северное направление).

Документы Токийского трибунала свидетельствуют, что как на северном, так и на

южном направлениях японской агрессии военно-политическое руководство Японии планировало, готовило и осуществляло преступные военные действия в вопиющем противоречии с общепризнанными правилами, нормами и обычаями ведения войны, причем в условиях полного отсутствия угроз самому японскому государству.

Дилемма «север–юг» существовала и в планирующих документах, на практике с первых дней реализации меморандума Танаки вплоть до самого момента принятия решения о полномасштабной войне, в первую очередь (с 7 декабря 1941 г.) на юге, способствуя мобилизации японского государства на подготовку к крупной войне на любом выбранном им направлении. Однако долгое время приоритет отдавался «северному» антисоветскому направлению. И лишь провал идей германского и японского блицкригов и достижение перелома во Второй мировой войне в пользу антифашистской коалиции окончательно сняли в 1943 г. вопрос японской агрессии против СССР с повестки дня.

Ситуация осложнялась тем, что у Японии (так же как, впрочем, и у Германии) стратегия достижения конечной цели, которая, безусловно, подразумевала необходимость «скрестить мечи с Россией», не была (что в те годы не могли понять ни СССР, ни питавшие к нему ненависть страны Запада) идеологически однозначной и прямолинейной. Оба агрессора пошли сначала завоевывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы (природные, материальные, человеческие) у более удобных и слабых стран. Но об этом мир узнал уже, так сказать, «задним числом». А в то время обстановка была отнюдь не проста для понимания.

В Токио понимали, что в случае развертывания агрессии против СССР Японии не обойтись без мощного европейского союзника. Вот почему захват власти в Германии фашистами во главе с Гитлером в 1933 г., то есть уже после японской оккупации Маньчжурии, которую Токийский трибунал охарактеризовал как «агрессивную войну против Китайской Республики», рассматривавшуюся «так же как средство обеспечения плацдарма для наступательных военных действий против Советского Союза»⁶, встретили в Японии как своего рода дар судьбы. В японской столице все более укреплялись в надежде, что в своем стремлении занять господствующее положение в Европе Берлин сумеет приковать к себе вооруженные силы

СССР, Англии, Франции и США, а это облегчит осуществление захватнических планов Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В своих отношениях с Советским Союзом, — делало в то время вывод правительство К. Хироты, — Германия находится примерно в таком же положении, как и Япония. Исходя из того, что между Францией и СССР существуют особые отношения, можно считать, что Германии будет выгодно действовать сообща с нами в вопросах национальной обороны и политики антикоммунизма»⁷.

Первым практическим шагом в организации глобального антисоветского альянса стало заключение 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией «Антикоминтерновского пакта», к которому в 1937 г. присоединилась Италия, а за ней ряд других стран, в том числе (об этом редко упоминается) в феврале 1939 г. — подвассальная Японии и граничившая с СССР Маньчжоу-го⁸, с чьей территории и развернулась спустя три месяца агрессия в районе реки Халхин-гол. В приговоре Токийского трибунала Антикоминтерновский пакт четко назван «военным союзом» и охарактеризован как документ, «составлявший основу политики Японии в отношении СССР»⁹.

«Начиная с 1937–1938 гг., — признавал оказавшийся в советском плену бывший главнокомандующий Квантунской группировкой японских войск генерал Ямада Отодзо, называвший антисоветскую политику Японии последовательной, — Квантунская армия имела конкретные планы ведения наступательных военных операций против Советского Союза»¹⁰. Однако вопрос о конкретных сроках войны с такой крупной державой, как СССР, требовал тщательной проработки, а сама агрессия — серьезной подготовки.

Важное значение для выработки военной доктрины японского государства на Вторую мировую войну, очаги которой запылали сначала на востоке, а затем зажгли и на западе, имела поэтому серия агрессивных акций, осуществленных с санкции высшего военного командования на границах СССР или в их непосредственной близости. Крупнейшими из них были провалившиеся июльско-августовская 1938 г. попытка захвата советской территории у озера Хасан в Приморье и более чем четырехмесячная агрессия у монгольской реки Халхин-гол 1939 г.

События у озера Хасан некоторые японские и отечественные исследователи пытаются

представить рядовым «инцидентом», вызванным случайным стечением обстоятельств. Есть попытки и прямо свалить вину на «провокационные» действия СССР. В ходе Токийского процесса над японскими военными преступниками, однако, было доказано, что вооруженная агрессия, названная в Обвинительном акте и Приговоре Трибунала «войной» против СССР, носившей «явно агрессивный характер», готовилась задолго до японского нападения на советских пограничников 29 июля 1938 г., а сама агрессия получила 21 июля санкцию императора Японии¹¹.

Последствия провала Японии в военной авантюре на Халхин-голе также далеко выходят за рамки этого, кажущегося многим локальным, конфликта. Токийский трибунал дал ему четкое определение — «агрессивная война»¹² против Монголии и СССР. В Обвинительном акте однозначно и в одинаковой формулировке заявлено в адрес обвиняемых о том, что они и у озера Хасан, и у реки Халхин-гол развязали и вели «агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства», в первом случае против СССР, а во втором — против Монгольской Народной Республики и ее союзника — СССР¹³.

Вместе с крахом собственно военных здесь в самом начале Второй мировой войны потерпела фиаско и военно-блоковая политика Японии, нацеленная на углубление союза с Германией, лидеры которой утратили веру в японскую мощь и пошли в период событий на Халхин-голе на подписание с Советским Союзом договора о ненападении.

Конфликт на Халхин-голе был преднамеренно развязан японцами на фоне бурного и трудного для непосредственной оценки развития дипломатической активности весной и летом 1939 г. Переговоры велись одновременно на нескольких направлениях. Продолжалась рутинная работа по разработке тройственного в своей основе агрессивного военного пакта между Германией, Италией и Японией, в который, кстати, стремилась и Польша. В этом пакте особенно была заинтересована Япония. При этом Токио настаивал на внесении в текст оговорки об исключительной направленности пакта против СССР. Немецкий посол в Москве В. Шуленбург отмечал 5 июня 1939 г. в письме в МИД Германии, что «Япония не хотела бы видеть ни малейшего согласия между нами [Германией] и Советским Союзом. Чем меньше

становится наше давление на западные границы России, тем увереннее будет чувствовать себя Советский Союз в Восточной Азии»¹⁴. Халхин-гольская агрессия как раз и замышлялась Японией как средство давления на союзников, но обернулась для нее неудачей, сказавшейся на всем ходе Второй мировой войны.

Очевидно, что именно подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении, произошедшее на фоне начатого 20 августа под руководством Г. К. Жукова мощного контрнаступления советско-монгольских войск на Халхин-голе, стало событием, потрясшим токийское руководство и приведшим к отставке кабинета К. Хиранумы и командования Квантунской армии.

Неожиданный для Японии политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломное нарушение положений направленного против СССР «Антикоминтерновского пакта», по которому подписавшие его стороны обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». «В течение месяцев в японских политических кругах, — писал уже в октябре 1939 г. по горячим следам халхингольской войны американский аналитик Дж. Баллентайн, — велись споры по вопросу о желательности переведения «Антикоминтерновского пакта» с Германией и Италией в военный альянс. Заключение Германией [23 августа 1939 г.] пакта о ненападении с Советским Союзом, однако, привело в состояние бессмысленности берлинско-римско-токийский антикоминтерн, а также пошатнуло опору японских группировок, выступавших против Коминтерна. Действия Германии, которые, вероятно, были предприняты без согласования с Японией, явились резким, внезапным ударом для Японии, вызывая правительственный кризис, и породили мощный всплеск антигерманских настроений»¹⁵. «Возможно, — пишет далее Дж. Баллентайн, — что японско-советское перемирие [от 16 сентября 1939 г. в халхингольском конфликте] представляет собой принятие Японией условий России в результате давящей на Японию потребности найти выход из сложившейся затруднительной ситуации с Россией, обусловленной подписанием российско-германского пакта и последующей изоляцией Японии»¹⁶.

Военное поражение Японии в Монголии, таким образом, сопровождалось поражением политическим. 16 сентября 1939 г. (уже после начала Второй мировой войны) Япония была вынуждена пойти на заключение соглашения о прекращении вооруженного конфликта. Победа советско-монгольских войск имела огромное значение для судеб Второй мировой войны — она лишила Гитлера возможности рассчитывать на союзника в предстоявшей войне против СССР на Востоке. С другой стороны, подписав с Германией договор о ненападении, СССР, по сути, оторвал от Японии в критический для нее момент важного европейского союзника.

При всех морально-политических издержках советско-германского договора (кстати, часто забывается, что аналогичные договоры и соглашения с Гитлером уже имели Польша, Великобритания, Франция и некоторые прибалтийские страны) оно отодвинуло германскую агрессию против СССР почти на 2 года, объективно ослабило «Антикоминтерновский пакт», вывело Польшу из числа явных агрессоров¹⁷, посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии, что привело к временной нормализации отношений последней с Москвой.

«Ситуация резко изменилась, — мы вновь обращаемся к Дж. Баллентайну, — когда после начала войны в Европе и подписания советско-германского пакта о ненападении было заключено соглашение о прекращении ведения боевых действий, предусматривающее прекращение огня [в районе реки Халхин-гол] и создание совместной комиссии по восстановлению границы. Этому повороту событий предшествовали циркулировавшие в самых широких кругах слухи о том, что СССР и Япония находились на грани подписания пакта о ненападении, и даже после подписания соглашения высказывались предположения, что соглашение предшествует чему-то более далеко идущему в направлении пакта о ненападении»¹⁸.

Есть все основания считать, что возникшая в оси Токио-Берлин трещина впоследствии способствовала тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза, оплатив Гитлеру подписанием с Москвой пакта о нейтралитете в апреле 1941 г. и развернув в декабре того же года широкомасштабные военные действия на южном направлении.

Тем самым стратегическое поражение потерпело и гитлеровское руководство Германии: подписание советско-германского договора и победа советско-монгольских войск на Халхин-голе отняли у Гитлера важного союзника, ослабили фашистско-милитаристский блок в разворачивавшейся коалиционной мировой войне. Уже это одно оправдывает подписание договора о ненападении с Германией.

Не дало на этом фоне ожидавшегося эффекта и заключение Германией, Японией и Италией 27 сентября 1940 г. в Берлине после длительных переговоров и взаимных подозрений Тройственного пакта, хотя они, по оценке Токийского трибунала, и «имели в виду совместные агрессивные действия... против демократических держав, в том числе против СССР»¹⁹.

Вместе с тем, как показало развитие событий, подписание советско-японского пакта о нейтралитете не отразилось ни в коей мере на темпах военных приготовлений Японии против СССР. И это четко отражено в документах Трибунала. «„Нейтралитет“ Японии в войне между Германией и СССР, — констатируется в Приговоре Токийского трибунала, — в действительности... был предназначен для того, чтобы служить ширмой для оказания помощи Германии до нападения самой Японии на СССР.

Доказательства, представленные Трибуналу, указывают на то, что Япония, будучи далеко не нейтральной..., оказывала значительную помощь Германии»²⁰. Военные же приготовления вблизи советской границы постоянно наращивались, вынуждая СССР держать на Дальнем Востоке около 1 млн своих войск вплоть до принятия окончательного решения японского военно-политического руководства развязать войну на Тихом океане и не снижались до конца 1943 г. В Токио решили лишь несколько изменить тактику: выждать нападения на Советский Союз фашистской Германии и затем в удобный момент вероломно ударить ему в спину, с тем чтобы, когда он, «подобно перезревшей хурме, готов будет упасть на землю», «одним ударом разрешить северную проблему»²¹.

Тем временем продолжалось наращивание японской военной агрессии в Китае. В результате уже к общепринятой дате начала Второй мировой войны японцы контролировали более 25 % всей территории этой страны с населением около 200 млн человек, что составляло около половины всего населения²² и свидетельствовало о том, что была оккупирована и нещадно эксплуатирова-

лась в целях наращивания потенциала экспансии наиболее заселенная и развитая часть страны.

Агрессия в Китае сопровождалась тяжчайшими преступлениями японской военщины. Малейшее сопротивление жестоко каралось оккупантами. Даже тогда, когда, как констатируется на основе документальных доказательств в Приговоре Токийского трибунала, «к моменту вступления японской армии в город [столицу Китая Нанкин] утром 13 декабря 1937 года всякое сопротивление прекратилось», японские солдаты «проходили по улицам, без разбора убивая китайцев: мужчин, женщин и детей, пока площади, улицы и переулки не были завалены трупами. Насиловали даже девочек-подростков и старух. Многих женщин, изнасиловав, убивали, а их тела обезображивали... Убийства и поджоги проводились планомерно, они продолжались в течение шести недель... Общее число гражданских лиц и военнопленных, убитых в Нанкине и его окрестностях в течение первых шести недель японской оккупации, превысило 200 тысяч человек»²³, а всего за годы агрессии в Китае японскими оккупантами было уничтожено более 35 млн китайцев²⁴. Этим, однако, далеко не ограничивается число преступлений японской военщины — на стол Трибунала легли несколько томов, насчитывающих 650 affidavits свидетелей-очевидцев японских зверств в различных странах²⁵.

Постепенно расширяя масштабы агрессии против Китая, свидетельствуют документы Токийского трибунала, Япония продолжала готовиться к «большой войне» с СССР. С началом гитлеровской агрессии против СССР японская стратегия была уточнена на императорской конференции 2 июля 1941 г. В документе этой конференции, названном «Программа национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки», предусматривалось «по-прежнему прилагать усилия к разрешению конфликта в Китае» и вместе с тем «продолжать продвижение на юг». Нападение на Советский Союз связывалось с коренным улучшением стратегической обстановки в пользу гитлеровских войск. В документе говорилось, что, «если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к силе, разрешит северную проблему»²⁶. Однако в ходе Великой Отечественной войны СССР такого шанса совершить новую преступную авантюру против себя Японии так и не предоставил.

Прецедент Токийского трибунала, давшего оценку преступному курсу Японии в канун и в годы Второй мировой войны, имеет непреходящее значение для современности. Современное звучание имеет, в частности, разоблачение трибуналом практики использования Японией для прикрытия преступных замыслов и моментов перехода к агрессивным войнам различных эффемизмов (под эффемизмом следует понимать обозначение в благопристойных выражениях неблагоприятных дел. — *Прим. авт.*) типа «инцидент» и «конфликт» для обозначения военных действий любого содержания и масштаба, «обеспечение самообороны (национальной обороны)», «защита жизненной линии империи» и «проведение национальной политики» для обоснования «вынужденности» развернуть военные действия на чужой территории, «строительство Сферы процветания в великой Восточной Азии», «создание нового порядка в Восточной Азии» и «борьба за освобождение народов Азии от гнета белой расы» для пропаганды мнимых целей японской агрессии в регионе и так далее (кстати, защита обвиняемых пыталась использовать в качестве доказательства их невиновности то, что Япония войн не объявляла, а значит, и не несет за них ответственности²⁷).

Спрашивается, чем отличаются действия НАТО во главе с США в Югославии, Ираке, Афганистане, в ряде стран Ближнего Востока под благопристойными лозунгами «гуманитарной интервенции», «установления демократии», «обеспечения мира и стабильности», в результате которых ликвидируются суверенные государства, уничтожаются десятки и сотни тысяч мирных жителей, насаждается иностранное военное присутствие, захватываются энергетические и другие ресурсы, от эффемизмов милитаристской Японии?

В связи с японским фактором, особенно в годы, предшествовавшие мировой войне, следует расставить новые акценты в анализе т.н. политики «умиротворения агрессоров» (а точнее — поощрения их к войне против Советского Союза), проводившейся идеологически заданными западными демократиями, известной под названием «мюнхенской политики», но которая родилась отнюдь не в Мюнхене, а на Дальнем Востоке и не в сентябре 1938 г., а в первой половине 1930-х гг., когда Западом были позорно сданы японскому агрессору Маньчжурия, а затем, по сути, и весь Китай; агрессия Японии у озера Хасан осталась им «не замечена».

Дело в том, что агрессия Японии в Маньчжурии в 1931–32 гг. (которую Обвинительный акт Токийского трибунала определил как «агрессивную войну против Китайской Республики, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства»²⁸), а именно ее с полным основанием следует признать первым очагом будущего всемирного пожара, получила лишь словесное осуждение со стороны стран Запада. На демонстративный выход «обиженной» Японии в марте 1933 г. из Лиги Наций никаких санкций не последовало. Очевидно, лидеров этих стран вполне удовлетворило заявление главы японской делегации в Лиге Наций Ё. Мацуоки о том, что Маньчжурия оккупирована с главной целью — создать плацдарм для борьбы против СССР. Руки у агрессора были окончательно развязаны, чем Япония не преминула воспользоваться, завершив в 1935 г. захват Северо-Восточного Китая и развернув в июле 1937 г. против этой страны агрессивную тотальную войну.

Конечно, западные демократии в союзе с СССР имели объективные возможности пойти другим путем и совместно обуздать агрессоров и на Востоке, и на Западе, но для этого были необходимы определенные условия: взаимное доверие между капиталистическими странами и СССР; уверенность в том, что достигнутые соглашения и договоры будут выполняться; готовность в кратчайшие сроки развернуть боеспособные армии, мобилизовать все физические и духовные силы народов на борьбу с фашистско-милитаристской опасностью, непреклонная воля к победе над агрессорами, а этого у западных держав не было.

Свою роль сыграло также то, что и СССР не доверял странам Запада, справедливо считая их виновниками провала плана создания системы коллективной безопасности. В Кремле не могли простить США, Англии и Франции их позицию в маньчжурском, монгольском и китайском вопросах, сделку в Мюнхене, которая не только разрушила советско-франко-чехословацкий договор — основу коллективной безопасности в Европе, но и привела к политической изоляции СССР. В ходе переговоров летом 1939 г. с Англией и Францией советское руководство не без основания сомневалось в искренности их желания заключить антигерманский союз. Оно опасалось, что в случае войны западные державы могут подставить Советский Союз под удар вермахта, не свя-

зывая себя конкретными обязательствами по оказанию ему помощи.

В итоге в мире возникла опасная ситуация: все неагрессивные страны стремились не к тому, чтобы совместными усилиями обуздать агрессора, а к тому, чтобы остаться по возможности в стороне от вероятного военного конфликта, переложив главную тяжесть предотвращения мировой войны на других. Советский Союз, однако, шел на такой же шаг не по своей воле, а по суровой необходимости.

Не похожи ли на это действия ряда стран — членов Совета Безопасности ООН, к числу которых применительно к событиям в Ливии и в целом на Ближнем Востоке относятся и «воздержавшиеся» при голосовании вопроса о применении военной силы против суверенного государства Китай и Российская Федерация? Не является ли это новой редакцией «политики поощрения» потерявшей за последние десятилетия моральные и пространственные ограничения НАТО и не способствует ли это дальнейшему повышению агрессивности и вседозволенности в действиях этого военного блока? Где юридически очерченные нормы, если говорят о контроле над воздушным пространством, а бомбят по людям на земле?

Исторический опыт свидетельствует (и это убедительно показал Токийский процесс), что упор на военные методы решения гуманитарных и социальных проблем не только бесперспективен, но и преступен.

В заключение невозможно не остановиться на оценке того, как к урокам прошлого относятся в современной Японии.

В последние 20–30 лет в этой стране усилилась пропагандистская кампания по оправданию территориальных притязаний к странам Восточной Азии, ревизии итогов Второй мировой войны, разжиганию реваншистских настроений. Целями этой кампании являются устранение «комплекса неполноценности», возникшего, по мнению японских руководителей, у «нации Ямато» в результате поражения во Второй мировой войне, пробуждение чувства «национального самосознания», «патриотизма», готовности вернуть Японии «былую славу». Значительное внимание при этом уделяется молодежи, на которую неореваншисты возлагают особые надежды.

Уже не раз предпринимались попытки пересмотреть в реакционно-милитаристском духе японские учебники, в позитивных тонах

показать историю японских военных авантур в обширном Азиатско-Тихоокеанском регионе. С каждым переизданием в них остается все меньше слов осуждения милитаристского прошлого страны. Лишь под давлением официальных заявлений со стороны правительств стран — жертв былых агрессий министерство просвещения Японии отказалось от внесения в учебники положений, прямо оправдывающих в глазах молодежи преступления, совершенные японским милитаризмом против других народов. Тем не менее, министерству просвещения удастся протаскивать в учебники реакционные взгляды под видом укрепления «гражданственности и патриотизма»²⁹.

В русле реваншизма и шовинизма, возрождения «духа Ямато», «исконно японских ценностей», идей «национального превосходства», «исключительности японской нации» направлен и целый ряд мероприятий, в том числе введение в 1982 г. «дня памяти погибших воинов» 15 августа (день обнародования в 1945 г. императором рескрипта о капитуляции Японии во Второй мировой войне), даты, которая, как подчеркивал бывший председатель ЦИК Социалистической партии Японии М. Исибаси, «должна была стать „днем осуждения“ прошлой войны... но исподволь превратилась в „день подготовки“ новой войны»³⁰, попытка возрождения и поднятия до уровня государственной религии синтоизма, издавна питавшего японскую военщину милитаристскими и националистическими философско-религиозными концепциями. Символом синтоизма в Японии является милитаристская святыня-токийский храм Ясукуни-дзиндзя, где захоронен прах и хранятся списки многих крупных военных деятелей и простых солдат разных периодов истории Японии, в том числе семи главных военных преступников, казненных в 1948 г. по решению Международного трибунала в Токио.

После войны синтоизм как носитель реакционной идеологии был запрещен, а церковь отделена от государства. Справедливое возмущение миролюбивой общественности поэтому вызывают посещения, начиная с 1975 г., храма Ясукуни официальными лицами, в том числе в ранге главы правительства. Причем придание официального характера паломничеству в синтоистский храм Ясукуни было сделано сразу после того, как в списки «жертв» Второй мировой войны в этом храме были включены имена главных японских военных преступников во главе

с премьер-министром и военным министром Японии времен минувшей войны генералом Х. Тодзио. Первое время, правда, посещения храма представлялись как «визиты частных лиц». Совершали такие «частные» визиты в Ясукуни в октябре 1969 г. император Хирохито, в декабре того же года наследный принц, а ныне император Акихито. Нанес такой визит в храм в апреле 1983 г. и премьер-министр Японии Я. Накасонэ³¹. Однако, очевидно, ностальгия по давно минувшим годам своей военной молодости морского офицера и временам былой мощи самурайской империи не оставила его после этого посещения. И вот 15 августа того же года Я. Накасонэ в сопровождении министров возглавляемого им правительства вновь побывал в Ясукуни, чтобы почтить память «героев-самураев». Причем накануне газета «Иомиури» процитировала японского премьера, который, рассуждая о некоем «поворотном моменте», наступившем в послевоенной истории Японии, подчеркнул, что примет участие в намеченной «протокольной» процедуре как официальное лицо. А еще раньше, в начале августа, премьер-министр дал указание юридическому бюро при канцелярии своего кабинета, по сути, дела пересмотреть статью конституции, запрещающую правительству использовать религию в целях пропаганды милитаристских идей, потребовав новой ее интерпретации в вопросе, касающемся храма Ясукуни. 14 октября 1986 г. Накасонэ подтвердил, что его правительство способствовало увековечению в храме Ясукуни памяти генерала Х. Тодзио и 14 других крупных военных преступников³². Регулярно посещали храм Ясукуни и почти все последующие премьер-министры страны от правившей до недавнего времени Либерально-демократической партии Японии.

В связи с этим хочется поделиться двойственными впечатлениями от посещения в мае 1991 г. мной вместе с другими советскими, монгольскими, китайскими и японскими участниками проходившего в Токио симпозиума по Халхин-голу храма Ясукуни и действующего при нем музея военной истории Юсюкан. С одной стороны, мы с пониманием отнеслись к тому, что в храме хранится память обо всех японских воинах, погибших когда-либо на поле брани. С другой стороны, ни в храме Ясукуни, ни в музее военной истории, которые, как нам стало очевидно, все больше превращаются при поддержке правительства в учреждения мили-

таристской пропаганды, мы не увидели и намека на осуждение милитаристского прошлого Японии, на порицание тех, кто не раз ввергал страну в агрессивные войны. Все экспонаты музея Юсюкан направлены на то, чтобы сформировать у японцев представления о некоей «великой миссии Японии в Азии», стремлении «вырвать азиатские народы из-под гнета белой расы», создать «Великую сферу процветания», а если где-то и приходилось применять оружие, то это из-за того лишь, что эти «неблагодарные» народы не желали понять и принять эти «благородные устремления» японских полководцев.

У меня сложилось впечатление, что посещение Ясукуни-дзиндзя и музея Юсюкан не воспитывает у современных японцев чувство стыда за содеянные японской военщиной в годы минувшей войны преступления, а оставляет в их сознании лишь чувства гордости за военную историю своей страны и ностальгии по утрате добытых отнюдь не праведным путем завоеваний. А это, памятуя о далеко не безоблачном историческом прошлом Японии, опасно как для народов мира, так и для самих японцев, особенно для молодежи.

Накопившаяся инерция процесса милитаризации страны стала существенным фактором, тормозящим переход японского руководства к новому мышлению в военно-политической области. Фактом является и то, что в результате умело поставленной пропаганды подавляющая часть японского общества поддерживает существование вопреки положениям статьи 9-й конституции современных вооруженных сил под названием «силы самообороны», воссоздание министерства обороны страны и службы внешней разведки, а антивоенное движение в стране в последнее время значительно ослабло. Даже после ужасающей по масштабам и последствиям катастрофы с атомной электростанцией Фукусима японское правительство демократов, изыскивая финансовые средства на восстановительные работы (2 мая 2011 г. японский парламент выделил на эти цели около 50 млрд долл. США), оставило сравнимый с этой суммой военный бюджет Японии (сопоставимый с военными расходами ядерных держав Англии и Франции) нетронутым, резко урезав социальные программы³³. Могут сказать, что японские военные внесли большой вклад в ликвидацию последствий природной и техногенной катаст-

роф, и с этим в данной конкретной ситуации нельзя не согласиться. Но почему этим должны заниматься вооруженные силы, у которых, как оказалось, не было в распоряжении специальной техники (роботов, мощных инструментов для резки арматуры и прочего...), а не специализированные организации типа российского министерства чрезвычайных ситуаций?

В условиях, когда Японии никто реально не угрожает и когда она сама имеет территориальные претензии к соседним странам, прежде всего к России, продолжающийся рост ее военных приготовлений не может не расцениваться рядом государств АТР как серьезный вызов региональной безопасности. Тем не менее, используя механизмы политико-идеологической индоктринации, правящие круги Японии не без успеха создают среди японского населения и военнослужащих представление о наличии в регионе многочисленных источников угроз безопасности страны. Наряду с тезисом о росте ракетно-ядерной опасности со стороны КНДР, активно пропагандируется мысль об угрозе со стороны обогнавшего Японию в экономическом развитии и крепнущего в военном отношении Китая и укрепляющей свои дальневосточные рубежи России.

Тревогу у международной общественности вызвал факт принятия в 1999 г. парламентом и поддержка правительством Японии законопроекта, придающего официальный статус старым императорским флагу и гимну, с которыми японская военщина развязала крупномасштабную агрессию в регионе в канун и в годы Второй мировой войны, заявления высшего руководства (премьер-министр И. Мори) о том, что Япония — божественная страна во главе с императором как символом ее божественности³⁴.

Токийский трибунал вскрыл истинные преступные замыслы и бесчеловечные методы осуществления японской экспансии в Азии и по справедливости наказал организаторов этих преступлений против мира и человечности. Однако официальная Япония проявляет вопиющее неуважение к решениям международного суда. В отличие от Германии, где осуждение нацистского прошлого закреплено и в политических, и в юридически обязывающих документах и реализуется в реальной политике государства, ничего подобного в Японии не произошло. И с учетом вышесказанного это снова и снова подтверждает важность привлечения внимания мировой общественности к урокам истории.

¹ В частности, экспертизу копии документа (добытого агентурой ОГПУ в Харбине), который сопровождался рекомендательным письмом Генерального штаба сухопутных войск Японии, сделал для Генерального штаба РККА специалист высшего класса профессор-японист Макин, отлично знакомый с японской секретной документацией и подтвердивший подлинность документа (см.: Горбунов Е. Крах планов «Оцу». Владивосток, 1988. С. 27–28). «Советская разведка, — свидетельствует А. А. Кириченко, — приложила немало усилий и истратила немалые суммы на приобретение меморандума», что опровергает предположения некоторых авторов о том, что текст меморандума — фальшивка, изготовленная в недрах советского ОГПУ (см.: Черевко К. Е., Кириченко А. А. Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.). Рассекреченный архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006. С. 18.

² См.: Черевко К. Е., Кириченко А. А. Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.). С. 11, 20; Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1984. С. 8–10.

³ Так, японский исследователь Такэси Томита в публикации в № 3 за 2010 г. российского журнала «Вопросы истории» приходит к такому выводу на основе анализа текста меморандума Танаки, датированного почему-то октябрём 1929 г., хотя первые публикации документа появились уже в сентябре 1927 г. в китайском журнале «China Weekly». Ряд примеров публикации документа в фальсифицированных редакциях приводит, подтверждая, что «этот документ послужил важной вехой в процессе милитаризации общественно-политической жизни и экономики Японии, нагнетания экспансионистских устремлений в ее внешней политике...», известный японист доктор исторических наук К. Е. Черевко, имеющий большой опыт работы с японскими официальными документами (см.: Черевко К. Е., Кириченко А. А. Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.). С. 13–15.

⁴ Цит. по: Официальная история войны в великой Восточной Азии (Дайтоа сэно кокан сэн си). В 110 т. Т. 8. Секция сухопутных войск ставки (Дайхонэй рикугун бу). Ч. 1. До мая 1941 года (Сёва дзюгонэн гогацу мадэ). Токио: Асагумо, 1970–1980. С. 138–139.

⁵ In: War in Asia and the Pacific, 1937–1949. Vol. 13. The Sino-Japanese and Chinese Civil Wars (Part 1). History of the Sino-Japanese War. Vol. 1. P. 5. Не сомневаются в существовании меморандума Танаки такие известные отечественные исследователи, как доктора наук Л. Н. Кутаков (см.: Кутаков Л. Приход к власти правительства Г. Танаки. — В кн.: Япония. М., 1987. С. 90) и А. А. Кошкин (см.: Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989.

С. 14–16), японские историки и специалисты в области дипломатии, такие как Д. Обата, Т. Токино (см.: Обата Д., Токино Т. и др. Нихонси (История Японии. Токио, 1967. С. 489) и И. Тогава (см.: Сёва гайко годзюнэн (50 лет дипломатии периода Сёва). Токио, 1973. С. 28–29).

⁶ Цит по: Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов. документы. М., 1985. С. 95, 144.

⁷ In: War in Asia and the Pacific. 1937–1949. A Fifteen Volume Collection / Ed. by Detwiler D. and Burdick Ch. Vol. 2. Political Background of the War. Appendix No. 1. Hirota Cabinet's National and Foreign Policies. N.Y., 1966. P. VII.

⁸ Ibidem.

⁹ См.: Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов: документы. С. 139.

¹⁰ Цит. по: Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 17.

¹¹ См.: Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов: документы. С. 95, 152–155.

¹² Там же. С. 95, 157.

¹³ Там же. С. 95, 96.

¹⁴ См.: СССР — Германия (TSRS — Vokietija), 1939–1941. Сб. документов и материалов. В 2 т. Т. 1. Вильнюс: Мокслас, 1989. С. 15.

¹⁵ The Far East Situation. Lecture Delivered 17 Oktober 1939 by Mr. Joseph W. Ballantine at the Naval War College. Newport, R.1. 3881–3281/10–18–39. P. 22.

¹⁶ Ibid. P. 25.

¹⁷ Подписание советско-германского договора о ненападении обрушило великодержавные планы польского руководства. Гитлеровское окружение тщательно прощупывало, насколько Польша созрела к превращению сотрудничества, сложившегося в период ликвидации Австрии и Чехословакии, а также при ее параллельных контактах с Японией, в военный союз против СССР. Принципиальных возражений относительно скоординированного продвижения на восток у Варшавы не возникло. Единственное условие, выдвигавшееся ею в ходе переговоров 24 октября 1938 г. Ю. Липского и 6 и 26 января 1939 г. Ю. Бека с И. Риббентропом, заключалось в том, что вермахт должен был обрушиться на «большевистскую Россию» в обход Польши, к примеру через Прибалтику или Румынию, уступить Польше Украину, подарив ей выход к Черному морю, и Литву, что укрепляло ее позиции на Балтике (см.: Очерки истории Российской внешней разведки. В 6 т. Т. 3: 1933–1944 гг. М., 1997. С. 289–290; Партитура Второй мировой. С. 18, 71–72). Устраивал ли такой подход Германию, полякам стало известно лишь 1 сентября 1939 г. Очевидно, что Варшава в своих расчетах жестоко ошиблась: Берлину не нужен был еще один гегемон-конкурент на евразийском геополитическом пространстве, да еще и в Европе.

¹⁸ The Far East Situation. Lecture Delivered 17 Oktober 1939 by Mr. Joseph W. Ballantine at the Naval War College. Newport, R. 1. 3881–3281/10–18–39. P. 14.

¹⁹ Цит по: Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов: документы. С. 100.

²⁰ Там же. С. 151.

²¹ Цит. по: Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 20. С. 301; см. об этом подробнее: Кошкин А. А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 259–272.

²² См.: Зимонин В. П. Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 23.

²³ Цит по: Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. 3-е изд., испр. М., 1984. С. 467–468.

²⁴ In: Beijing Review. 1985. May 6.

²⁵ См.: Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. С. 456.

²⁶ Цит. по: История войны на Тихом океане: пер. с япон. В 5 т. Т. 3. М., 1957–1958. С. 379–380.

²⁷ См.: Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. С. 472.

²⁸ См.: Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов: документы. С. 95.

²⁹ Акахата. 1983. 1 июля.

³⁰ Исибаси М. Невооруженный нейтралитет: сокр. пер. с яп. М., 1984. С. 33–34.

³¹ Ясукуни дзиндзя (Храм Ясукуни). Токио, 1983. С. 12, 14; Токио симбун. 1983. 16 августа.

³² См.: Япония и проблемы безопасности в АТР. М., 1996. С. 95–97.

³³ The Military Balance. 2000/2001. L., 2000. P. 200; Независимая газета. 2011. 22 февраля; Красная звезда. 2011. 4 мая.

³⁴ Токио симбун. 1999. 16 августа; Независимая газета. 1999. 17 августа.